

ЖОРЖ ЛЕФЕВР

Почетный профессор Сорбонны

ПАМЯТИ МАКСИМИЛИАНА РОБЕСПЬЕРА

В 1958 г. исполняется 200 лет со дня рождения Робеспьера. Во французском парламенте большое число депутатов потребовало, чтобы Национальное собрание предложило правительству отметить эту годовщину. Эта инициатива вызвала протесты. Поэтому я и счел нужным напомнить еще раз, почему те, кто одобряет это предложение, продолжают относиться к имени Максимилиана Робеспьера с любовью и уважением.

Революция 1789 г. потому переросла в гражданскую войну, что часть привилегированных не захотела позволить третьему сословию покончить с выгодным для них старым режимом. Некоторые из них немедленно вооружились, собрались на Рейне и открыто стали демонстрировать свое намерение вторгнуться во Францию плечом к плечу с армиями немецких государей, которых Людовик XVI и Мария Антуанетта, в свою очередь, умоляли о вмешательстве.

Жирондисты ответили на это превентивной войной.

Робеспьер решительно выступал против этого губительного решения; он говорил, что внешняя война лишь обострит гражданскую войну, так как контрреволюционеры во Франции поднимут восстание, чтобы оказать помощь захватчикам; вынужденная обороняться на двух фронтах — на границе и внутри страны, пресекать измену и возлагать на нацию все более тяжелые жертвы, революция неизбежно должна будет обратиться к чрезвычайным мерам авторитарного характера, что в конце концов приведет к установлению военной диктатуры. Хотя этими предупреждениями Робеспьера пренебрегли, они были очень точны.

В составе прусской армии, продвижение которой было задержано у Вальми, имелся корпус французских эмигрантов; вожди восстания, вспыхнувшего в Вандее, сразу же обратились за помощью к англичанам; руководители восстания в Лионе призвали на помощь сардинскую армию, вторгшуюся в Савойю; в Тулоне монархисты, расправившись с патриотами, сдали порт и французскую средиземноморскую эскадру англичанам.

Робеспьер все время, начиная с 1789 г., предостерегал представителей народа и призывал общественное мнение требовать от них принятия мер для законного подавления заговоров врагов революции. Он опасался мятежей и ярости народа; только увидев, что его советов не слушают, он примирился с событиями 10 августа 1792 и 2 июня 1793 г. Но когда, наконец, было создано революционное правительство, он вошел в него. Трагическая судьба человека, всеми силами стремившегося отвратить нависшую над революцией смертельную опасность, состоит в том, что на него легла вся ответственность за общественное спасение. Он становится неподкупным вдохновителем сопротивления, оказанного революцией французской и европейской аристократии, вооружившейся против нее по обе стороны границы.

Робеспьер всегда утверждал, что во время революции или войны нельзя управлять так же, как в мирное время; именно этим оправдывал он создание революционного правительства. Исторический опыт действительно показывает, что всякий режим или партия, прибегающие к средствам всеобщего подавления, любой ценой должны обеспечить за собой силу — эту гарантию победы; если революционный

режим подвергается нападению и вынужден обороняться, он уступает этой же необходимости; наиболее бросающимся в глаза последствием является то, что порядки, установленные обычаем или конституцией, обеспечивающие в обычное время безопасность человеческой личности, на этот период полностью или частично отменяются.

Робеспьер прямо признавал факты, которые стыд или лицемерие часто пытались скрыть. Но он не закрывал глаза на опасности. Отменить на какое-то время юридические гарантии, охраняющие права человека и гражданина,— значит допустить возможность совершения ошибок, которые отдельные руководители, получив неограниченные полномочия, могут допустить или в силу особенностей своего характера, или в результате ярости, овладевающей при известных обстоятельствах массами или участниками вооруженной борьбы. Именно поэтому Робеспьер непрерывно напоминал о том, что гражданская добродетель должна самым строжайшим образом дисциплинировать применение революционной власти на всех ее ступенях. Но исторический опыт показывает также, что моральное воздействие, как бы велико ни было его значение, не может заменить собой контроля, осуществляемого соответствующими учреждениями, вследствие чего как раз противникам любого чрезвычайного режима было всегда очень легко оспаривать законность применявшихся крутых мер. Что касается нас, то, не отрекаясь от самостоятельных критических суждений, мы сошлемся на действительные намерения Робеспьера, которые он нигде не изложил так четко, как в речи, импровизированной им 25 сентября 1793 г. в Конвенте после принятия решения о кооптации в состав Комитета общественного спасения депутата, находившегося с официальной миссией в Валансьене в момент капитуляции города, в конце июля 1793 г. Робеспьер сказал:

«Я обещал вам сказать всю правду, и я ее вам скажу. Во время сегодняшней дискуссии Конвент не проявил должной энергии... Я заявляю вам: человек, который находился в Валансьене, когда в него вошел враг, недостойн быть членом Комитета общественного спасения. Некоторым, возможно, будет больно это слышать; но разве для всякого патриота не больнее сознание того, что за последние два года сто тысяч людей пали жертвой предательства и снисходительности; именно эта снисходительность к предателям нас губит. Начинают проникаться жалостью к отвязленным преступникам, к тем, кто отдает нашу родину в рабство врагу; что касается меня, то я могу жалеть только невинно угнетенных; я проникаюсь жалостью лишь к судьбе несчастного народа, который столь зверски уничтожают».

Вскоре после освобождения Франции я, весь во власти воспоминаний о героях Сопротивления, однажды написал: «Я не могу перечитывать эту страницу без глубокого волнения и трепета». Я испытываю это чувство и сейчас.

Иные ставят на место Робеспьера «организатора победы» Карно. Однако его биограф Рейнар приходит к выводу, что никаких существенных расхождений у Карно с Робеспьером не было и что если Карно примкнул к термидорианцам, когда победа показалась ему достигнутой, то это случилось потому, что личные трения, споры из-за компетенции в той или иной области между ним, Робеспьером и Сен-Жюстом,— а все они были одинаково властными личностями,— привели к тому, что вызвали у них смертельную ненависть друг к другу.

Что касается революционной обороны, то я разделяю мнение Рейнара. Карно организовал не только армию Ваттиньи и Флерюса, он также создал армии, которые разгромили вандейцев, подчинили Лион и освободили Тулон. Но если Карно снабжал их оружием и продовольствием, ему удавалось это только благодаря всеобщей мобилизации, реквизициям, максимуму. А эту всеобщую мобилизацию нации, в свою очередь, удалось провести только благодаря тому, что Комитет общественного спасения располагал широкой принудительной и карательной властью. Карно сам настолько хорошо это понимал, что никогда не возражал против репрессий; кетати, он подписал и приказ об аресте Дантона и его друзей.

Но я не думаю, чтобы Карно, Робеспьер и Сен-Жюст были согласны между собой и в вопросе о дальнейших судьбах республики. Карно был консерватором; по его мнению, было достаточно того, что она дала народу начальную школу. Поэтому именно Карно и отдали предпочтение тем французским руководителям, которых стали называть оппортунистами и которые, основав Третью республику и создав свет-

скую школу, вместе с тем отрицали существование социального вопроса. Для Робеспьера и для Сен-Жюста, наоборот, республика должна была прийти на помощь также и неимущим классам путем организации «национальной благотворительности», которую сейчас мы называем «социальным обеспечением», путем облегчения для них доступа к собственности; в наших условиях они не испугались бы обобществить предприятия, ставшие монополиями в силу капиталистической концентрации. Это та программа, которую пытался присвоить Годфруа Кавеньяк, когда он воссоздал после 1830 г. республиканскую партию; это программа, которую в годы моей юности, больше шестидесяти лет назад, охотно рассматривали как образец для партии, называвшей себя радикал-социалистической.

Оскорбляя память Робеспьера, термидорианцы хорошо знали, что делали. Вместе с ним они рассчитывали сломить народный фронт монтаньяров, якобинцев и санкюлотов, раздавить и уничтожить навсегда ту народную демократию, которая наметилась во Франции во II году республики.

